

КАРЛОС КАСТАНЕДА

*Don Juan was sitting on the floor,
by the door of his house, with his back against the wall.
He turned over a rumble and asked me to sit down
and I sat down.*

*I offered him some cigarettes and he took them. He said
he did not like the coldness of the desert. He asked him if
the desert was cold.*

He said, "No, it is not cold. It is hot. It is hot."

*I had prepared some food for him. I wanted to fill
out with his help. I had a long list of ethnographic literature,
a long list of ethnographic literature, a long list of ethnographic literature,
to belong to the Indians of the area. I wanted to go through the list
with him and mark all the items that were familiar to him.
I began with the kinship charts.*

• Дар Орла •

СОФРИЯ

Карлос Кастанеда

Дар орла

«София Медиа»

1981

Кастанеда К. С.

Дар орла / К. С. Кастанеда — «София Медиа», 1981

ISBN 978-5-399-00606-2

Автор пытается возглавить новый отряд магов. Получается это у него пока очень плохо. У всех учеников периодически возникают странные воспоминания о событиях, которых не было и не могло быть в мире обычного восприятия. Конфликты между Кастанедой и другими учениками все возрастают. И вдруг с помощью Ла Горды новый Нагваль вспоминает, что в связи с особой структурой своего энергетического тела – светящегося кокона – он не может быть их лидером. Пути их расходятся. С ним остается только Ла Горда. Они вместе уезжают в Лос-Анджелес, где занимаются совместными путешествиями в сновидении и в состоянии повышенного осознания пытаются вспомнить все то, что происходило с ними в годы ученичества.

ISBN 978-5-399-00606-2

© Кастанеда К. С., 1981

© София Медиа, 1981

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Карлос Кастанеда

Дар Орла

Все права зарезервированы, включая право на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме.

Печатается с разрешения Simon & Shuster Inc.

The Eagle's Gift by Carlos Castaneda

© 1981 by Carlos Castaneda

© ООО Издательство «София», 2005

* * *

Предисловие

Я антрополог, но эта книга не является научной в строгом смысле слова, хотя вдохновила ее антропология – ведь именно в этой области много лет назад я начинал свои полевые исследования. Тогда меня интересовало применение лекарственных растений индейцами Юго-Западной и Северной Мексики.

По мере того как я глубже понимал проблему, исследование лекарственных растений уступало место интересу к системе верований, пограничной по крайней мере для двух культур.

Такое смещение акцентов произошло благодаря индейцу из племени яки (Северная Мексика) по имени дон Хуан Матус, который позднее познакомил меня с доном Хенаро Флоресом, индейцем из племени масатек (Центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии; фактически же оно является традицией практиков, исключительно владеющих собой, и состоит из чрезвычайно сложных методов.

Эти два человека стали моими учителями, а не просто информаторами, хотя я еще долго упорствовал без всяких на то оснований, считая своей главной задачей антропологические исследования. Я потратил годы, пытаюсь разгадать культурную матрицу этой системы верований, причины ее происхождения и распространения, совершенствуя систематику и классификационные схемы. И все это не имело никакого смысла, если принять во внимание, что непреодолимые силы, заложенные в самой этой системе, направили мой интерес в иное русло и превратили меня из отстраненного наблюдателя в непосредственного участника событий.

Под влиянием этих людей, излучавших некую древнюю магическую силу, моя работа начала носить автобиографический характер – я был вынужден писать о происходящем непосредственно со мной. Автобиография эта весьма своеобразна, поскольку я не веду речь, подобно всякому нормальному человеку, о повседневных событиях моей жизни или о вызванных этими событиями субъективных состояниях. Я пишу скорее о тех метаморфозах моей жизни, которые были непосредственным результатом принятия мною чуждой мне системы идей и действий. Иными словами, система верований, которую я намеревался беспристрастно изучать, поглотила меня, и, чтобы продолжать свои исследования, мне пришлось ежедневно расплачиваться собственной жизнью.

Таким образом, передо мной встала особая проблема – объяснить, чем же я, собственно, занимаюсь. Я очень далеко отошел от того, с чего начинал как антрополог или просто как западный человек, – но должен подчеркнуть еще раз, что все это – не плод фантазии. То, что я описываю, для нас совершенно необычно и именно поэтому кажется нереальным.

По мере того как я все дальше проникаю в запутанные лабиринты магии, то, что раньше представлялось мне примитивной системой верований и ритуалов, оказалось огромным и сложным миром. То, что со мной происходит, не вписывается в познания антропологов о системах верований мексиканских индейцев. В результате я оказался в весьма затруднительном положении. И я решил, что при подобных обстоятельствах мне остается только одно – представить все так, как это происходило на самом деле. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни и что в своем повседневном существовании следую принципам системы дона Хуана.

После того как два мага – мексиканские индейцы дон Хуан и дон Хенаро – сообщили мне то, что сочли нужным или возможным, они простились со мной и исчезли. Я понял, что отныне моя задача – самостоятельно осмыслить и реализовать то знание, которое я от них получил.

В связи с этим я вернулся в Мексику и обнаружил, что у дон Хуана и дон Хенаро было еще девять учеников магии: пять женщин и четверо мужчин. Старшую из женщин звали Соледад, более молодую – Мария Елена, по прозвищу Ла Горда, остальные, Лидия, Роза и Хосе-

фина, были совсем юными, и их называли «сестричками». Четверых мужчин звали, по старшинству, Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито; трех последних называли «Хенарос», поскольку они были учениками дона Хенаро.

Я и раньше знал, что Нестор, Паблито и Элихио, которого уже не было в этом мире, – ученики магов, но мне казалось, что девушки – дочери Соледад и, значит, сестры Паблито. С Соледад я был знаком не первый год и обращался к ней уважительно – донья Соледад, поскольку она была по возрасту ближе к дону Хуану. Лидию и Розу я тоже знал, но наши встречи были слишком непродолжительны и случайны, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Хосефину и Ла Горду я знал только по именам. Встречался я и с Бениньо, но не подозревал, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, так или иначе ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что я должен занять место дона Хуана как их лидер, Нагваль, потому что дон Хуан и дон Хенаро покинули нас, и Элихио тоже. И женщины, и мужчины были убеждены, что все трое не умерли, а перешли в иной, отличный от нашей повседневной жизни, однако столь же реальный мир.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной со времени нашей первой встречи. Однако эти стычки активизировали мою энергию. Общение с ними внесло в мою жизнь мистическое брожение, в моем мышлении стали происходить разительные перемены, однако не на сознательном уровне, – впервые посетив их, я испытал ни с чем не сравнимое смятение, более сильное, чем когда бы то ни было ранее, хотя под всем этим хаосом я неожиданно обнаружил удивительно прочное основание. В столкновениях с ними я открыл в себе такие ресурсы, о которых даже не подозревал.

Ла Горда и сестрички были совершенными *сновидящими*; они добровольно дали мне указания и продемонстрировали свои достижения. Дон Хуан описывал *искусство сновидения* как способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли *вторым вниманием*.

Я ожидал, что трое Хенарос обучат меня тому, чего они достигли в другой области учения дона Хуана и дона Хенаро, – «искусству сталкинга». Я понимал это искусство как совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации. Но, вопреки ожиданию, все, что бы мне ни рассказывали трое Хенарос об *искусстве сталкинга*, не имело для меня ни особого смысла, ни силы. Возможно, сами они в должной мере не владели этим искусством, а может быть, просто не захотели мне его передать.

Я прекратил расспросы, чтобы они могли чувствовать себя со мной раскованно, но все выжидали и уповали на то, что раз уж я больше не задаю вопросов, значит, я наконец-то веду себя как Нагваль. Каждый из них требовал от меня советов и руководства.

Чтобы соответствовать их требованиям, я был вынужден сделать полный обзор всего, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро, и еще глубже проникнуть в искусство магии.

Часть I Другое «Я»

Глава 1 Фиксация второго внимания

Туда, где жили Ла Горда и сестрички, я добрался к полудню. Ла Горда была одна, она сидела у двери снаружи и смотрела на далекие горы. Она объяснила, что погрузилась в воспоминания и как раз в данный момент находилась на грани того, чтобы вспомнить нечто, смутно связанное со мной.

Вечером того же дня после ужина Ла Горда, три сестрички и трое Хенарос вместе со мной сидели на полу в комнате Ла Горды. Женщины сидели рядом. По какой-то причине я выделил Ла Горду как главный объект своего внимания, хотя я знал их одинаково долго. Другие как бы и не существовали для меня. Причиной этого, вероятно, было то, что Ла Горда чем-то напоминала мне дона Хуана. В ней ощущалась какая-то легкость, хотя эта легкость никак не проявлялась в ее манере поведения, а существовала только в моем восприятии ее.

Все они хотели узнать, что я делал и чем занимался. Я рассказал им, что ездил в Тулу, или Толланн (столицу древних толтеков), в провинции Идальго, чтобы осмотреть развалины древних сооружений. Наибольшее впечатление произвел на меня ансамбль из четырех колоссальных каменных фигур, так называемых «атлантов», установленных на плоской вершине пирамиды. Эти фигуры были высечены из цельных глыб базальта и представляли, по мнению археологов, толтекских воинов, облаченных в доспехи. Метрах в шести позади каждой из этих фигур на вершине пирамиды находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн такой же высоты и ширины, также изготовленных из цельных каменных глыб.

Благоговейный страх, внушаемый фигурами этих «атлантов», лишь усилился после рассказа о них одного из моих друзей, который водил меня по этим местам. По его словам, сторож полуразрушенной пирамиды признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам, сотрясая землю.

Я спросил у Хенарос, что они об этом думают. Они молчали, застенчиво посмеиваясь. Я обратился к Ла Горде, сидевшей рядом со мной, и прямо попросил ее высказать свое мнение.

– Я никогда не видела этих фигур, – сказала она, – и вообще никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда приводит меня в ужас.

– Почему это тебя так пугает? – спросил я.

– Что-то случилось со мной в развалинах Монте-Альбан в Оахаке, – сказала она. – Я обычно бродила по развалинам даже после того, как Нагваль запретил мне и ногой туда ступить. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оахаке, я отправлялась туда. Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, то я обычно шла туда вместе с Паблито, он очень смелый.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он заметил, что на земле что-то поблескивает. Поковырявшись в земле, мы выкопали странный камень, который как бы влился в мою ладонь. В центре камня было аккуратно просверленное отверстие. Я хотела просунуть в него палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладкий и сильно согревал мне руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, словно это была какая-то живая зверушка.

Все расхохотались. В том, что рассказывала Ла Горда, казалось, была скрыта какая-то шутка.

– Ну и что вы с ним сделали? – спросил я.

– Мы принесли его сюда, в этот дом, – ответила она, и это заявление вызвало у остальных неудержимый смех. Они буквально задыхались от хохота.

– Мы смеемся над Ла Гордой, – сказал Нестор. – Ты должен знать, что она упряма, как никто другой. Нагваль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые можно найти в земле, но за его спиной она подбирала всякую ерунду. Тогда в Оахаке она настояла на том, чтобы взять с собой эту богом проклятую вещь. Мы сели в автобус и привезли камень прямо в эту комнату.

– Нагваль и Хенаро как раз отправились в какую-то поездку, – сказала Ла Горда, – и я набралась храбрости и просунула палец в отверстие. Мне сразу же передались чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был *камень силы*. Мое настроение изменилось. Я начала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то, не имеющее ни формы, ни окраски. Я не могла оставаться одна. Я просыпалась от собственного крика и уже через пару дней совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию и днем, и ночью.

– Когда вернулись Нагваль и Хенаро, – сказал Нестор, – Нагваль отправил меня и Хенаро положить камень туда же, откуда он был выкопан. Хенаро понадобилось три дня, чтобы разыскать точное место. И он его нашел.

– Что с тобой случилось потом, Ла Горда?

– Нагваль похоронил меня, – сказала она. – Девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал взрыв всеобщего хохота.

– Нагваль сказал, что ей нельзя выходить оттуда, – объяснил Нестор. – Бедной Ла Горде пришлось делать все в свой гроб. Нагваль замуровал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

– Почему он похоронил ее? – спросил я.

– Это был единственный способ поместить ее под защиту, – сказал Нестор. – Она должна была находиться под землей, чтобы земля исцелила ее – нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же Нагваль должен был снять ощущение того камня, который был сфокусирован на Ла Горде. Земля – это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагваль знал, что Горде не станет хуже от того, что она на девять дней будет похоронена. Ей могло стать только лучше, что и случилось.

– Ла Горда, что это за чувство – быть похороненной? – спросил я.

– Я чуть не свихнулась, – сказала она, – но это было просто индальгирование. Если бы Нагваль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень крупным мужчиной. Похоже, его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов кто-то убил его. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то надвигается на меня, чтобы пожрать мою плоть. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был *человеком силы*, но кто-то еще более могущественный одолел его.

Нагваль говорил, что если иметь предмет такого рода, то он принесет несчастье, потому что его сила входит в столкновение с другими предметами такого же рода и владелец становится или преследователем, или жертвой. Нагваль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, ведь та часть нашего внимания, которая на них фокусируется, чтобы придать им силу, является очень опасной и воинственной.

– Ла Горда очень жадная, – сказал Паблито. – Она рассчитывала, что если найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то станет победительницей, так как в наше время уже никто не заинтересован в накоплении силы.

Ла Горда утвердительно кивнула.

– Я не знала, что можно подцепить что-либо еще кроме той силы, которую имеют такие предметы, – сказала она. – Когда я впервые просунула палец в отверстие и зажала камень в ладони, рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя действительно большой и сильной. Я скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу камень в руке. После того как я держала его несколько дней, начался настоящий кошмар. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и ощущала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Это просто ужаснуло меня. Мне следовало немедленно бросить камень, но переживаемое мною чувство было настолько новым, что я вцепилась в него, как последняя дура, а когда наконец бросила его, было уже поздно. Что-то во мне попало на крючок. Я стала видеть людей, подступающих ко мне, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они раздирают меня на части, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

– Как эти видения объяснил дон Хуан? – спросил я.

– Он сказал, что она больше не имела защиты, – ответил Нестор, – и поэтому могла воспринимать фиксацию этого человека, его *второе внимание*, которое было влито в этот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагваль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в его камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили его силу, съев его тело. Те, кто убивал его, знали об этом, вот почему они пожирали его живьем, чтобы получить ту силу, которая все еще оставалась в нем. Ну а Ла Горда и я, как два идиота, нашли этот камень и выкопали его.

Ла Горда кивнула с очень серьезным выражением лица.

– Нагваль сказал мне, что *второе внимание* – самая свирепая вещь на свете, – сказала она. – Если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть хуже.

– Ужаснее всего здесь то, что мы цепляемся, – сказал Нестор. – Тот человек, который владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу, вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как съедают его плоть. Нагваль говорил, что если бы он отказался от своего чувства обладания, то в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил остальных, есть ли у них еще какие-нибудь мнения. Сестрички с удивлением посмотрели на меня. Бениньо хихикнул и прикрыл лицо шляпой.

– Мы с Паблито были в окрестностях Тулы, – сказал он наконец. – Мы облазили все пирамиды, какие только есть в Мексике. Они нам нравятся.

– Почему именно все пирамиды? – спросил я. – Зачем они вам понадобились?

– Да кто его знает, – ответил он. – Наверное, потому, что Нагваль запретил нам это делать.

– А ты, Паблито? – спросил я.

– Я ездил туда учиться, – сказал он вызывающе и засмеялся. – Я жил когда-то неподалеку от Тулы и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагваль говорил, что он тоже жил там раньше. Он знал о пирамидах все, он сам был из народа толтеков.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало нечто большее, чем простое любопытство. Приглашение друга я принял главным образом потому, что во время моего первого приезда к Ла Горде и остальным узнал о доне Хуане нечто такое, чего сам он мне никогда не говорил, – что он считал себя потомком толтеков. В древности Тула была центром империи толтеков.

– А что ты думаешь об атлантах, разгуливающих по ночам? – спросил я у Паблито.

– Конечно, по ночам они ходят, – сказал он. – Эти штуковины стоят там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды. Нагваль говорил, что испанцы были не первыми, кто их обнаружил там. До них были другие. Бог знает, сколько их было.

– Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? – спросил я.

– Это не мужчины, а женщины, – ответил он. – Пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют четыре ее угла, это четыре ветра, четыре направления.

Они – фундамент и основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами. Как ты сам знаешь, мы, мужчины, не так уж горячи. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но не больше. Нагваль говорил, что загадка пирамиды в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида – мужчина, поддерживаемый своими четырьмя женщинами-воинами. Мужчина, который поднял тех, кто его поддерживает, до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

– Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, – сказал я. – Но это, наверное, потому, что дон Хуан никогда не говорил мне о чем-либо подобном. Пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь.

– Атланты – это *нагваль*. Они *сновидящие*. Они представляют собой порядок *второго внимания*, выведенного вперед. Поэтому они такие пугающие и загадочные. Они – существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн – прямоугольных – представляет собой порядок *первого внимания* – *тональ*. Они – *сталкеры*. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от фигур первого ряда.

Паблито замолчал и взглянул на меня почти отчужденно, а затем расплылся в улыбке.

Я думал, он объяснит то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности. Наконец, пристально взглянув на меня, он глубоко вздохнул и начал говорить снова, но голоса остальных заглушили его шумом протеста.

– Нагваль все это уже объяснял всем нам, – нетерпеливо сказала Ла Горда. – Зачем заставлять его повторять это?

Я попытался объяснить им, что на самом деле не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал, чтобы он продолжал. Опять возникла волна голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как смотрели на меня сестрички, они очень сердились, особенно Лидия.

– Мы не можем говорить об этих женщинах, – сказала мне Ла Горда. Она была предельно сдержанной. – Одна мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

– Да что с вами творится? – спросил я. – Почему вы так себя ведете?

– Мы не знаем, – ответила Ла Горда. – Это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно, пока полчаса назад ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление Ла Горды послужило как бы сигналом тревоги. Все вскочили и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос. Мне понадобилось много времени, чтобы их успокоить и усадить. Сестрички были очень взволнованы, и их состояние, казалось, передалось Ла Горде. Мужчины вели себя более сдержанно. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины пришли в такое возбуждение. Может быть, я невольно сделал что-то такое, что вывело их из равновесия.

– Я в самом деле ничего не понимаю, – сказал он. – Да и никто здесь, я уверен, не понимает, что с нами творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и расстроенными.

– Потому что мы заговорили о пирамидах?

– Видимо, да, – сказал он. – Я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

– Да конечно же ты знал, тупица, – бросила Лидия.

Нестор, казалось, был разъярен ее выходкой, но тут же расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

– Может, и знал, – сдался он. – Мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто больше ничего не знает наверняка. С тех пор как ты вошел в нашу жизнь, мы больше не знаем самих себя.

Атмосфера накалилась. Я настаивал на том, что единственным способом разрядить ее может быть разговор о тех загадочных колоннах пирамид. Женщины горячо протестовали. Мужчины помалкивали. У меня было ощущение, что они сочувствуют женщинам, но втайне не прочь, как и я, обсудить этот вопрос.

– Говорил ли дон Хуан что-нибудь о пирамидах, Паблито? – спросил я, желая увести разговор от болезненной темы, но не слишком далеко от атлантов.

– Он сказал, что там, в Туле, есть одна особенная пирамида, она является гидом, – охотно ответил Паблито.

По его тону похоже было, что ему действительно хочется поговорить об этом, а то, с каким вниманием нас слушали другие, говорило о том же.

– Нагваль сказал, что эта пирамида – гид ко *второму вниманию*, – продолжал Паблито, – но ее разграбили, и все там было уничтожено. Он сказал мне, что некоторые пирамиды были гигантским *не-деланием*. Они были не жилищами, а местом, где воины практиковались в *сновидении* и *втором внимании*. Все, что они делали, было запечатлено в рисунках и надписях на стенах.

Затем, вероятно, пришли воины другого рода, которым не понравилось то, что делали маги пирамиды со своим *вторым вниманием*, и они разрушили пирамиду и все связанное с ней.

Нагваль считал, что новые воины, должно быть, были воинами *третьего внимания* – воинами, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации *второго внимания*. Маги пирамиды были слишком увлечены своей фиксацией, чтобы вовремя понять, что происходит. Когда до них дошло, было уже слишком поздно.

Все в комнате, и я в том числе, слушали Паблито, как загипнотизированные. То, что он говорил, переключалось с тем, что я слышал раньше от дона Хуана.

По словам дона Хуана, мы состоим как бы из двух сегментов. Первый – это знакомое нам физическое тело, которое мы можем ощущать непосредственно. Второй – светящееся тело, придающее нам вид огромного светящегося яйца, которое может быть замечено только *видящими*. Он говорил также, что одной из самых важных задач магии является осознание светящейся оболочки. Это цель, которая достигается путем сложной системы *сновидения* и жесткой систематической практики *не-действия*. «Не-действие» он определил как некие непривычные действия, вовлекающие все наше существо и заставляющие его осознавать свою светящуюся часть.

Поясняя эту идею, дон Хуан изобразил наше сознание разделенным на три неравные части. Самую маленькую часть он назвал «первым вниманием» и сказал, что это именно то внимание, которое развито в каждом человеке для жизни в повседневном мире; оно охватывает сознание физического тела. Другую, большую часть он назвал «вторым вниманием» и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать нашу светящуюся оболочку и действовать как светящееся существо. Он сказал, что *второе внимание* в течение всей нашей жизни пребывает на заднем плане, если только оно не выводится вперед благодаря специальной практике или случайной травме, и что оно охватывает осознание светящегося тела. Последнюю, самую большую часть он назвал «третьим вниманием». Это то неизмеримое осознание, которое включает в себя неопределимые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам *третье внимание*. Он ответил, что был на его периферии и что, если он когда-нибудь войдет в него полностью, я тотчас узнаю об этом, потому что все в нем мгновенно станет тем, чем оно и является в действительности – взрывом, вспышкой энергии. Он добавил, что *второе внимание* является чем-то вроде полигона для достижения *третьего внимания*. Это состояние очень труднодостижимо, но крайне плодотворно.

– Пирамиды вредны, – продолжал Паблито. – Особенно для незащищенных воинов вроде нас. Еще вреднее они для *бесформенных* воинов, подобных Ла Горде. Нагваль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация *второго внимания*. Когда воины *приобретают*

способность фокусироваться на слабой стороне *второго внимания*, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся именно такой жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагваль называл их ловушками *второго внимания*.

– Он не говорил, что при этом происходит? – спросила Ла Горда.

– Нагваль сказал, что мы, пожалуй, сможем выдержать одну поездку на пирамиды, – объяснил Паблито. – При втором посещении мы начнем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который оглушит и утомит нас. Это утомление очень скоро превратится в невезение. Через непродолжительное время мы станем носителями злого рока, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагваль сказал, что почти все наши неудачи вызваны своевольными посещениями этих развалин вопреки его рекомендациям.

Элихио, например, всегда слушался Нагваля, и его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал в свое время и этот наш Нагваль. Им всегда везло, тогда как остальные не могли избавиться от своего злого рока, особенно Ла Горда и я. Разве нас не кусали всегда одни и те же собаки? И разве одни и те же потолочные балки на кухне дважды не загорались и не падали на нас?

– Нагваль никогда мне этого не объяснял, – сказала Ла Горда.

– Да объяснял же, конечно, – настаивал Паблито.

– В этих проклятых местах ноги бы моей не было, если бы я знала, насколько это опасно, – запротестовала Ла Горда.

– Нагваль говорил каждому из нас одни и те же вещи, – сказал Нестор. – Беда в том, что каждый из нас был невнимателен или воспринимал его слова по-своему и слышал только то, что хотел услышать.

– Нагваль сказал, что фиксация на *втором внимании* двулика. Первое, самое простое лицо – злое. Так происходит, когда *видящие* используют *искусство сновидения*, чтобы фокусировать свое *второе внимание* на предметах, подобных деньгам или власти над миром. Второе лицо крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует свое *второе внимание* на предметах, которых нет в этом мире, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется предельная безупречность.

Я сказал им, что уверен: дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие – другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда-либо упоминал при мне о злом лице *второго внимания*.

Затем я передал им все, что помнил из рассказов дона Хуана о фиксации *второго внимания*. Он подчеркивал, что все археологические развалины в Мексике, особенно пирамиды, вредны для современного человека. Он описал пирамиды как выражение чуждых нам мыслей и действий. Он сказал, что каждая деталь и каждый рисунок в них были рассчитанным усилием выразить такие аспекты *внимания*, которые для нас абсолютно чужды. Для дона Хуана это были не просто руины древних культур – они таили в себе опасность. Все, что там было объектом беспокоящего притяжения, обладало вредным потенциалом.

Однажды мы обсуждали эту тему подробнее. Это было вызвано его реакцией на мою озабоченность относительно того, где мне хранить свои записи. Я относился к ним с сильным чувством собственности и был обеспокоен их безопасностью.

– Как мне быть? – спросил я его.

– Хенаро уже предлагал тебе решение, – ответил он. – Ты думал, что он, как всегда, шутит. Хенаро никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком собственного пальца. Ты не понял его, поскольку тебе и в голову не пришло, что это – *не-делание* во время записывания.

Я не соглашался, все же считая совет Хенаро просто шуткой. Я воображал себя ученым-социологом, которому необходимо записать все, что говорится и происходит, чтобы вывести окончательное заключение. Для дона Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, вовсе не обязательно делать записи. Лично я решения не видел. Предложение дона Хенаро казалось мне забавной, но никак не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что обычное записывание является способом вовлечения *первого внимания* в задачу запоминания. Рекомендация дона Хенаро не была шуткой, так как вождение по бумаге кончиком пальца, являясь *не-деланием при записывании*, заставило бы сфокусироваться на запоминании мое *второе внимание*, и тогда мне не пришлось бы накапливать горы листов бумаги. Дон Хуан считал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, этого никто никогда не делал, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время «записывать» подобным образом. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но и успокаивало меня. Это была моя привычная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и уравновешенности.

– Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, – объяснил дон Хуан, – ты фиксируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону. Чем сильнее мы становимся, тем губительнее становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их *сила*, а фокусироваться на *духе*, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоем случае такой щит – эти твои записи. Они не дают тебе жить спокойно.

Я чувствовал, что нет на земле ничего, что могло бы разлучить меня с моими мыслями и с моими записями. Тогда дон Хуан избрал для меня задачу в русле «правильного *не-делания*». Он сказал, что для того, кто, подобно мне, охвачен таким чувством собственности, подходящим способом освободиться от своих записей было бы написать книгу, сделав их всеобщим достоянием. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать пальцем.

– Твое стремление обладать и цепляться за вещи не уникально, – сказал он. – Каждый, кто хочет следовать путем воина и мага, должен освободиться от этой фиксации. Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою магию. Это порождало вопрос, чей предмет более сильный и чей самый сильный из всех. Остатки таких предметов все еще имеются в мире – обломки этой гонки за *силой*. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили все эти предметы. Люди, бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них все свое *внимание*. Ты пока что просто начал вливать свои мелочные заботы в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней *внимания*. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще тащишь на спине тук с записями. К тому времени твои записи станут живыми, особенно если ты не научишься писать кончиком пальца, – и ты все еще будешь вынужден накапливать листы бумаги. В таком случае меня не удивит, если кто-нибудь повстречает твои тюки, идущие сами по себе.

– Теперь понятно, почему Нагваль не хотел, чтобы мы чем-нибудь увлекались, – сказал Нестор, когда я закончил свой рассказ. – Мы все *сновидящие*. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое *тело сновидения* на слабой стороне *второго внимания*. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставлял меня освободиться от всего, что я имел. Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Паблито и Бениньо от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. По сравнению с ними я был богачом. В то время у меня и мысли не было, что он защищает мое *тело сновидения*.

Дон Хуан определял *искусство сновидения* по-разному. Наиболее туманное из этих описаний, как мне теперь кажется, является наиболее удачным. Он сказал, что *искусство сновидения* – это, по сути, *не-делание сна*. Оно дает возможность практикующим его использовать ту часть жизни, которую они обычно проводят в хаосе. *Сновидящие* как бы не спят вообще, но без всяких болезненных последствий. Это не значит, что у *сновидящих* полностью отсутствует сон, просто эффект *сновидения* продлевает состояние бодрствования за счет использования некоего вспомогательного тела – *тела сновидения*.

Дон Хуан объяснил мне, что *тело сновидения* – это нечто такое, что иногда называют «дубль», а иногда – «другой», потому что это точная копия тела *сновидящего*. В сущности, это энергия светящегося существа, белесая, призракотподобная эманация, которая посредством фиксации *второго внимания* проецируется в трехмерное изображение тела. Дон Хуан объяснил, что *тело сновидения* – это не привидение, оно настолько же реально, насколько реально все, с чем мы сталкиваемся в повседневном мире.

Он сказал, что *второе внимание* неизбежно фокусируется на энергетическом поле нашего существа и трансформирует эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое – это, конечно, изображение нашего физического тела, которое мы хорошо знаем по опыту использования *первого внимания*. То, что маги называют *волей*, как раз и является проводником нашей энергии для создания чего бы то ни было в пределах возможного. Невозможно определить, где находятся эти пределы, но на уровне светящихся существ их диапазон настолько велик, что напрасно и пытаться установить их; поэтому можно сказать, что *воля* способна преобразовать энергию светящегося существа во что угодно.

– Нагваль говорил, что *тело сновидения* вовлекается во все и цепляется за все, что ему попадается, – сказал Бениньо. – Оно как бы ничего не соображает. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, так как у мужчин *тело сновидения* больше стремится к обладанию.

Сестрички дружно закивали в знак согласия. Ла Горда взглянула на меня и улыбнулась.

– Нагваль рассказывал мне, что ты из породы собственников, – сказала она. – Хенаро говорил, что ты даже со своим дерьмом прощаешься, прежде чем спустить его в унитаз.

Сестрички покатались со смеху. Хенарос сделали явное усилие, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, хлопнул меня по колену.

– Нагваль и Хенаро рассказывали о тебе потрясающие истории, – сказал он. – Они годами развлекали нас рассказами о том, с каким необыкновенным человеком знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал волну раздражения. Получалось, что дон Хуан и дон Хенаро предавали меня, смеясь надо мной в присутствии учеников. Мне стало жаль себя. Возмущенный, я громко сказал, что они были предубеждены, заведомо считая меня недотепой.

– Это неверно, – сказал Бениньо, – мы очень рады, что ты с нами.

– Разве? – бросила Лидия.

Между ними вспыхнул горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Ла Горда держалась особняком. Она молча сидела рядом со мной, тогда как остальные вскочили и начали кричать друг на друга.

– Мы переживаем трудное время, – тихо сказала мне Ла Горда. – Мы уже очень много занимались *сновидениями*, но для того, что нам нужно, этого явно недостаточно.

– Что же вам нужно, Горда? – спросил я.

– Мы не знаем, – сказала она. – Мы надеялись, что ты нам скажешь это.

Сестрички и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит Ла Горда.

– Нам нужен лидер, – продолжала она. – Ты Нагваль, но ты не лидер.

– Чтобы стать настоящим Нагвалем, нужно время, – сказал Паблито. – Нагваль Хуан Матус говорил мне, что сам он был в молодости изрядным тупицей, пока не получил как следует по голове.

– Я этому не верю, – закричала Лидия. – Мне он этого никогда не говорил.

– Он говорил, что был очень большим растяпой, – добавила Ла Горда вполголоса.

– Нагваль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, – сказал Паблито. – Его бенефактор говорил ему, чтобы он не совался к пирамидам, но из упрямства он чуть ли не жил там, пока его не выгнала оттуда орда призраков.

Очевидно, никто из присутствующих не знал этой истории. Все встрепнулись.

– Я совсем забыл об этом, – пояснил Паблито. – Я только что это вспомнил. Это случилось так же, как с Ла Гордой. Однажды, когда Нагваль наконец сделался бесформенным воином, злые фиксации тех воинов, запечатленные в пирамидах, набросились на него. Они добрались до него в тот момент, когда он работал в поле. Он рассказывал, что увидел руку, высовывавшуюся из свежей борозды. Рука схватила его за штанину. Он подумал, что это, видимо, кто-то из работавших с ним людей, – что его случайно засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу: в нем был погребен человек. Нагваль сказал, что этот человек был очень худым, темным и безволосым. Нагваль попытался быстро починить земляной гроб, поскольку не хотел, чтобы его видели рабочие, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав гроб против его воли. Он так сосредоточенно работал, что не заметил, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени земляной гроб развалился, и темный человек зашевелился на поверхности. Нагваль попытался помочь ему подняться и попросил людей подать ему руку. Они засмеялись, решив, что у него началась белая горячка, так как в поле не было ни человека, ни земляного гроба – вообще ничего подобного.

Нагваль говорил, что он был потрясен, но не посмел сказать об этом своему бенефактору. Это, впрочем, уже не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. В дверь постучали, он пошел открывать, и в дом ворвалась орда голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он *увидел* призраков и уволок Нагваля в безопасное место в – глубокую яму за домом, которую всегда держал наготове. Там он захоронил Нагваля, а призраки сидели вокруг на корточках, поджидая удобного случая. Нагваль рассказывал, что он был тогда так напуган, что даже после того, как призраки окончательно скрылись, он еще долгое время добровольно отправлялся спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, были готовы разойтись. Они нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от долгого сидения.

Тогда я рассказал им, что был очень обеспокоен, когда услышал, что атланты ходят по ночам среди пирамид Тулы. Я недооценивал глубину собственного восприятия того, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро. Умом я ясно понимал, что возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур недостойна какого-нибудь серьезного обсуждения, так что моя реакция была для меня полным сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что идея хождения атлантов по ночам была очевидным примером фиксации *второго внимания*. К такому заключению я пришел на основе следующего: во-первых, мы не являемся тем, чем заставляет нас считать себя наш здравый смысл. В действительности мы – светящиеся существа, способные осознавать свою светимость. Во-вторых, как светящиеся существа, осознавшие свою светимость, мы способны раскрыть различные стороны своего осознания, или нашего *внимания*, как это называл дон Хуан. В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто или за счет сознательных и намеренных усилий, которые предпринимаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной или психической травмы. В-четвертых, было время, когда маги намеренно направляли различные стороны своего *внима-*

ния на материальные предметы. В-пятых, атланты, судя по производимому ими впечатлению, были объектами фиксации многих магов прошлого.

Я сказал, что сторож, сообщивший о прогулках атлантов моему другу, несомненно, открыл другую сторону своего *внимания*. Мне не кажется таким уж невероятным, что он мог неосознанно, хотя бы на мгновение, воспринять и визуализировать проекции *второго внимания* древних магов.

Если эти маги принадлежали к той же традиции, что и дон Хуан с доном Хенаро, то они должны были быть безупречными практиками и в этом случае при помощи фиксации своего *второго внимания* они могли сделать что угодно. И если они пожелали, чтобы атланты ходили по ночам, то атланты будут ходить по ночам.

По мере того как я говорил, сестрички все больше нервничали и сердились. Когда я замолчал, Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и ушли, даже не попрощавшись. Мужчины последовали за ними, но в дверях остановились и по очереди попрощались со мной за руку.

– С этими женщинами явно что-то неладно, – сказал я.

– Просто они устали от разговоров, – сказала Ла Горда. – Они ждут от тебя действий.

– Почему же тогда Хенарос не устали от разговоров?

– Они глупее женщин, – ответила она сухо.

– А ты, Горда? – спросил я. – Ты тоже устала?

– Не знаю, – ответила она бесстрастно. – Когда я с тобой вдвоем, то не устаю, но когда я с сестричками, то устаю смертельно, так же как и они.

Я провел с ними еще несколько дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестрички настроены ко мне враждебно. Хенарос, казалось, просто терпели меня. Только Ла Горде, похоже, было со мной легко. Я удивлялся – почему? Перед отъездом в Лос-Анджелес я спросил ее об этом.

– Странно, но я привыкла к тебе, – сказала она. – Как будто мы с тобой вместе, а сестрички и Хенарос – это совсем другой мир.

Глава 2

Совместное видение

В течение нескольких дней после возвращения в Лос-Анджелес я чувствовал какое-то сильное неудобство, которое объяснял головокружением и аритмией при физических нагрузках. Однажды ночью это состояние достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе от того, что не мог дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как нервное истощение, вызванное, скорее всего, перенапряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал при повторении приступа дышать в бумажный мешок.

Я решил вернуться в Мексику, чтобы спросить у Ла Горды совета. Когда я рассказал ей о поставленном мне диагнозе, она заверила, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов теряю свои щиты и что испытываемое мною является «потерей *человеческой формы*» и вхождением в новое состояние отделенности от всех человеческих дел.

– Не борись с этим, – сказала она. – Сопротивляться этому – наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем то, что должно произойти. Оставь страх и теряй свою *человеческую форму* шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад *человеческой формы* начался с невыносимой боли в матке и с необычайного давления, медленно смещавшегося вниз – к ногам и вверх – к горлу. Она добавила, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый оттенок моего нового состояния. Я приготовился вести детальный дневник обо всем происходящем, но, к своему большому разочарованию, ничего больше не случилось. После нескольких дней напрасного ожидания я отбросил объяснение Ла Горды и решил, что доктор был прав в своем диагнозе. Мне это было совершенно понятно. Я взвалил на себя ответственность, порождавшую невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое, по мнению учеников, принадлежало мне, но не имел никакого представления, как себя вести и что делать.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом. Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, следовательно, я непременно потеряю свою жизнь. Дон Хуан учил меня жить, полагаясь исключительно на личную силу, что я понимал как такое отношение к миру, которое может быть разрушено только со смертью. Поскольку никакой возможности изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что жизнь моя подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и снять их напряжение.

Когда я вернулся, они стояли у дверей дома сестричек, как бы ожидая меня. Нестор бросился к моей машине и, прежде чем я выключил мотор, прокричал, что Паблито сбежал. Он уехал умирать, сказал Нестор, в город Тулу, на родину предков. Я был в ужасе и почувствовал себя виновным.

Ла Горда не разделяла моего отношения к случившемуся. Она сияла, светясь удовлетворением.

– Этому красавчику лучше умереть, – сказала она. – Все мы теперь заживем гармонично, как и должны были. Нагваль говорил нам, что ты внесешь перемену в нашу жизнь. Что ж, ты ее принес. Паблито нам больше не досаждал. Ты избавил нас от него. Посмотри, как мы счастливы. Без него нам живется куда лучше.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан учил нас быть воинами. Я подчеркнул, что безупречность воина требует, чтобы я не позволил Паблито умереть просто так.

– Что же ты собираешься делать? – спросила Ла Горда.

– Я собираюсь послать одного из вас, чтобы он жил с ним, – сказал я. – До того дня, пока мы все, включая Паблито, не сможем уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал наиболее близкими к Паблито. Ла Горда смеялась дольше всех, явно провоцируя меня.

Я обратился за поддержкой к Нестору и Бениньо. Они отвели глаза в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию Ла Горды. Я умолял ее. Я использовал все доводы, какие мог придумать. Она смотрела на меня совершенно невозмутимо.

– Пойдемте, – сказала она остальным.

Она лучезарно улыбнулась мне, затем передернула плечами и поджала губы.

– Приглашаем тебя идти с нами, – сказала она мне, – при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь упоминать об этом маленьком красавчике.

– Ты, Ла Горда, *бесформенный воин*, – сказал я, – ты сама мне это говорила. Почему же тогда ты судишь Паблито?

Ла Горда не ответила. Удар попал в цель. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

– Ла Горда с нами! – пронзительно закричала Хосефина.

Сестрички окружили Ла Горду и затолкали ее в дом. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли внутрь.

– Что ты собираешься делать, забрать кого-нибудь из нас силой? – спросила Ла Горда.

Я сказал им, что считаю своим долгом помочь Паблито и делал бы то же для любого из них.

– Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? – спросила Ла Горда, сверля меня злобным взглядом.

Я хотел было яростно заорать, как я уже делал однажды в их присутствии. Но обстоятельства были иными. Я не мог этого сделать.

– Я собираюсь забрать с собой Хосефину, – сказал я. – Я – Нагваль.

Ла Горда сгребла сестричек и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки; что-то во мне знало, что если они это сделают, то их объединенная сила станет ужасной и все мои усилия забрать Хосефину пойдут прахом. Моим единственным шансом было ударить прежде, чем они успеют образовать группу. Я толкнул Хосефину обеими руками так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде чем они успели собраться снова, я ударил Лидию и Розу. Они согнулись от боли. Ла Горда бросилась на меня с яростью дикого зверя. Я никогда не видел ее такой разъяренной. Она вложила в этот бросок всю свою концентрацию. Если бы она меня ударила, я бы умер на месте. Она промахнулась лишь на какой-то дюйм. Я схватил ее в охапку, и мы покатались по полу. Мы отчаянно боролись, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани обморока.

Ла Горда смущенно улыбнулась и сказала, что рада тому, что я одолел ее.

Я увез Хосефину к Паблито. Я чувствовал, что она единственная из всех искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, а Паблито меньше всех сторонился ее. Я надеялся, что благородство заставит его прийти на помощь, если она будет в такой помощи нуждаться.

Через месяц я снова приехал в Мексику. Паблито и Хосефина вернулись. Они поселились в доме Хенаро вместе с Бениньо и Розой. Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а Ла Горда – одна в доме сестричек. Я был очень удивлен и хотел знать, что стоит за этой новой организацией.

Ла Горда сухо сообщила мне, что за всем этим, насколько ей известно, не кроется ничего особенного. Они избрали жить парами, но не парами в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я могу подумать, они были безупречными воинами.

Новая форма отношений была действительно приятной. Все, казалось, полностью расслабились. Не было больше ни подначек, ни вспышек конкуренции. Они стали одеваться в стиле, принятом у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, почти касавшиеся пола. Они надевали темные шали, заплетали волосы в косы, и только Хосефина всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове – соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у Ла Горды о значении их нового одеяния. Она сказала, что они готовятся к отъезду. Раньше или позже, с моей помощью или без нее, они собираются покинуть эту долину. Они намереваются отправиться в новый мир, в новую жизнь. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем резче будет их переход к новой городской. Она сказала, что их учили быть гибкими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что меня учили тому же. От меня требовалось вести себя с ними непринужденно, вне зависимости от того, как они относятся ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и переселиться куда-нибудь еще, чтобы убедиться, могут ли они быть такими гибкими, как надлежит воину.

Я спросил, каково в действительности было ее мнение о наших шансах на успех. Ла Горда ответила, что на наших лицах лежит печать поражения. Затем она резко сменила тему разговора, сказав, что в своем *сновидении* она смотрела в гигантскую узкую щель между двумя высокими круглыми горами. Ей казалось, что эти круглые горы ей знакомы, и она хотела, чтобы я отвез ее в город, расположенный неподалеку. Она считала, не зная почему, что эти две горы находятся именно там и что смысл послания, полученного ею в *сновидении*, в том, что мы вдвоем должны туда отправиться.

Мы уехали на рассвете. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень маленьким, и я не помнил в его окрестностях ничего похожего на видение Ла Горды. Вокруг него были только невысокие холмы. Оказалось, что двух гор там действительно не было, а если они там и были, то мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не покидало ощущение, что мы знали что-то неопределенное, ощущение, которое временами становилось бесспорным, а затем опять отступало во тьму и порождало неуверенность. Посещение этого города странным образом волновало нас, или же, лучше сказать, – по неизвестным причинам мы стали очень беспокойнными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помню, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что не только бывал здесь, но даже какое-то время жил. Это не было отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощутил, было необоснованным, но сильным предчувствием, что что-то вот-вот должно проявиться у меня в голове. Я не знал, что именно, – может, просто какое-то воспоминание.

Временами это смутное воспоминание было всепоглощающим, особенно когда я увидел один дом. Я остановил машину прямо перед ним. Около часа мы с Ла Гордой смотрели на этот дом, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него. Мы оба были на грани. Мы заговорили о ее видении двух гор. Наш разговор вскоре перешел в спор. Она считала, что я не принял ее *сновидения* всерьез. Мы вошли в раж и закончили тем, что стали орать друг на друга, но не столько от гнева, сколько от нервного напряжения. Я поймал себя на этом и замолчал.

На обратном пути я остановил машину на обочине грунтовой дороги. Мы вышли размять ноги. Ла Горда все еще казалась взволнованной. Мы немного прошлись, но было слишком ветрено, чтобы получить удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

– Если бы ты только привлек свое знание, – сказала Ла Горда умоляюще, – ты бы понял, что потеря *человеческой формы*...

Она запнулась посреди фразы. Должно быть, ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня внутри было какое-то знание, которое я мог бы привлечь, я бы давно это сделал.

– Но ведь мы – светящиеся существа, – сказала она тем же умоляющим тоном. – В нас еще так много всего. Ты – Нагваль, значит, в тебе еще больше.

– Что же, по-твоему, я должен сделать? – спросил я.

– Ты должен оставить свое желание цепляться за все. То же самое происходило со мной. Я цеплялась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, так как я не знаю, за что цепляюсь. Она настаивала, что где-то, каким-то образом, но я знаю, за что цепляюсь и что я выставляю как барьер против потери своей *человеческой формы*.

– Наше внимание натренировано быть непрерывно на чем-нибудь сфокусированным, – продолжила она. – Именно так мы поддерживаем свой мир. Твое *первое внимание* было обучено фокусироваться на чем-то совершенно чуждом мне, но очень знакомом тебе.

Я ответил ей, что мои мысли беспорядочно витают в облаках. Не то чтобы я не мог понять этого, как каких-то тонкостей высшей математики, но, скорее, я просто терялся в дебрях предположений.

– Сейчас самое время уйти от всего этого, – сказала она. – Для того чтобы потерять *человеческую форму*, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравнивал все так основательно, что парализуешь сам себя.

У меня не было настроения спорить. То, что она называла потерей *человеческой формы*, было слишком смутной концепцией, чтобы об этом можно было думать. Я был поглощен тем, что мы испытали в городе. Ла Горда не хотела об этом говорить.

– Единственное, что имеет значение, – это привлечение твоего *знания*, – сказала она. – Если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито и ты затеял драку.

Ла Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения *знания*. Не вполне отдавая себе отчет в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требуют способности *видеть*.

– Ты не просто напал на нас, ты *видел*.

В каком-то смысле она была права. В тот раз имело место нечто совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, с аргументами личного характера. У меня не было адекватного объяснения случившемуся. Я только мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня немислимым образом.

Когда я вошел в дом и увидел четырех женщин, я в долю секунды осознал, что могу изменить свой обычный способ восприятия. Я увидел прямо перед собой четыре аморфных шара, излучавших очень интенсивный желтый свет. Один из них был более спокойным и приятным, остальные выглядели недружелюбными, острыми беловато-желтыми сияниями. Более спокойным желтоватым сиянием была Ла Горда. И в этот момент три недружелюбных сияния склонились над ней. Шар беловатого сияния, ближайший ко мне, которым была Хосефина, выглядел несколько неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я толкнул его и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.